

Осколки стекла устлали пол, отражая тёплый свет лампы. Мольбы Бай Тана о пощаде, прерывистые и испуганные, окружали Цзян Юньшу. Он открыл рот, но не смог издать ни звука – все слова застряли в горле. Яркая кровь на острых осколках резала глаза.

Леденящий холод пробежал от ступней до макушки, сковывая всё тело. Невидимая нить соединила все разрозненные фрагменты, и картина наконец сложилась.

Теперь стало ясно, почему Бай Тан не ел за столом, не спал на кровати, не ел мяса. Почему на его теле были синяки, почему он всегда был напряжён, почему, несмотря на плохие отношения, беспрекословно подчинялся.

Цзян Юньшу вспомнил, как однажды спросил Бай Тана о шкафе, полном кнутов и палок. Тогда лицо Бай Тана побелело, он невольно отступил назад и безжизненно произнёс: "Господин, я виноват. Я исправлюсь..."

Как же он тогда ответил? Кажется, он уже потерял надежду получить от Бай Тана вразумительный ответ. Он вздохнул и просто ушёл в свою комнату, сказав: "Ладно, забудь".

Цзян Юньшу мысленно выругался, желая вернуться в прошлое и ударить себя за такое легкомыслие. Он горько сожалел – ведь такое отношение только усугубило травму Бай Тана!

Наверное, глядя ему вслед, Бай Тан думал, что он пошёл за чем-то, чтобы его побить. Может быть, он съёжился где-нибудь в углу, пытаясь хоть как-то защититься?

Оказавшись в теле Цзян Юньсу, он по умолчанию принял роль, считая, что никогда не смог бы применить насилие в семье. Но он забыл – он и прежний хозяин тела не одно и то же лицо.

"Мерзавец", - Цзян Юньшу до побелевших костяшек сжал кулаки. Он переродился в человека того типа, который больше всего ненавидел.

Вся неделя его отношений с Бай Таном пронеслась перед глазами, как кадры из фильма. Цзян Юньшу стиснул зубы и с трудом выдавил:

- Я раньше бил тебя?!

Осколок стекла вонзился в нежную кожу ступни, кровь растеклась по полу. Но Бай Тан, казалось, не чувствовал боли. Он сжался в комок среди осколков, дрожа всем телом и едва слышно всхлипывая.

Услышав вопрос Цзян Юньшу, он вздрогнул и инстинктивно отпрянул назад. Но, потеряв равновесие, Бай Тан рефлекторно выставил руку - и вся его ладонь пришлась прямо на острые осколки.

Зрачки Цзян Юньшу расширились, а во рту появился кислый привкус. Он глубоко вдохнул, заставляя себя успокоиться. Сейчас главное - стабилизировать состояние Бай Тана.

Он отступил на несколько шагов и смягчил голос:

- Бай Тан, я не собираюсь тебя бить. Я поднял руку, потому что боялся, что ты наступишь на стекло, а не чтобы ударить тебя.

Цзян Юньшу, тяжело дыша, продолжил успокаивающим тоном:

- Не двигайся, пожалуйста. Твоя нога сильно болит? Я правда не буду тебя бить, честное слово.

Бай Тан, бледный как полотно, замер.

- Молодец, Бай Тан, ты такой храбрый, - Цзян Юньшу медленно присел и начал осторожно приближаться. - Не бойся. У тебя ранена нога, поэтому я сейчас аккуратно возьму тебя на руки, хорошо?

Домашняя одежда Бай Тана была испачкана кровью, которая стекала с его ладони на пол. Он послушно сидел, сжавшись в комочек. Но при ближайшем рассмотрении было видно, как побелели его губы от напряжения, как покрылось испариной лицо, как дрожали руки, вцепившиеся в ткань одежды.

"Неужели Бай Тан не хочет убежать?" - подумал Цзян Юньшу. Но он понял - омега изо всех сил подавлял инстинктивное желание спастись бегством. Ведь он знал: чем послушнее он будет сейчас, тем меньше его побьют потом.

Чем ближе подходил Цзян Юньшу, тем отчетливее становился сладкий аромат - видимо, запах феромонов Бай Тана. Цзян Юньшу вспомнил, что в брошюре говорилось о высокой концентрации феромонов в крови, слюне и других жидкостях организма.

На мгновение у Цзян Юньшу помутилось в голове - феромоны омеги начали действовать на него. Он тряхнул головой, пытаясь прийти в себя, и задержал дыхание.

- Сейчас я возьму тебя на руки и вынесу отсюда. Не двигайся, всё будет хорошо.

Тело в его руках было напряжённым и неестественно лёгким для взрослого мужчины - кожа да кости. Цзян Юньшу подавил вспышку гнева и осторожно опустил Бай Тана на диван.

- Посиди здесь и не трогай раны, - сказал Цзян Юньшу, вставая. - Бай Тан, где у нас аптечка?

- Во втором шкафу справа... - голос Бай Тана дрожал от боли. Он сидел, бледный, опустив глаза. Острая боль пульсировала в руке и ноге. Он раскрыл дрожащую ладонь - рана представляла собой месиво из крови и плоти.

Как онколог-хирург, Цзян Юньшу отлично умел обрабатывать раны. Он вернулся с аптечкой и осторожно взял Бай Тана за тонкое запястье.

Мышечная память, сформированная годами жестокого обращения, заставила Бай Тана инстинктивно отдёрнуть руку. Но на полпути он резко остановился:

- П-простите, господин, я...

Цзян Юньшу покачал головой:

- Это я должен извиняться. Сейчас я буду держать тебя за запястье, чтобы обработать рану. Будет больно, потерпи, пожалуйста.

Тело под его руками продолжало дрожать. Цзян Юньшу казалось, что он держит анатомический макет из лаборатории - запястье было настолько тонким, что, казалось, могло сломаться от малейшего усилия.

Он начал осторожно, но уверенно вынимать осколки из раны стерильным пинцетом. С каждым извлечённым кусочком стекла раздавался звон - Цзян Юньшу бросал их в мусорное ведро.

- Хорошо, что осколки не вошли глубоко, - сказал Цзян Юньшу, аккуратно промывая рану чистой водой. Яркая кровь смывалась, оставляя розоватые разводы. Сладкий аромат феромонов омеги усилился. - Иначе пришлось бы ехать в больницу на швы.

Бай Тан до боли закусил губу. Волны острой боли затуманивали сознание, в глазах стояла пелена. Его тело инстинктивно пыталось уклониться от прикосновений, но Цзян Юньшу мягко удерживал его.

- Сейчас я буду обрабатывать рану йодом. Будет немного щипать, потерпи, - предупредил Цзян Юньшу.

- Ммф! - Бай Тан не успел подготовиться. Острая боль пронзила его, на мгновение лишив способности мыслить. Сдавленный стон вырвался сквозь стиснутые зубы.

Цзян Юньшу ловко наложил повязку, завязав аккуратный узел.

- Готово. Теперь давай посмотрим твою ногу.

Бай Тан весь сжался, по его подбородку скатилась слеза. Уголки глаз покраснели - было очевидно, что он изо всех сил терпит боль, но не жалуется.

- Закрой глаза, я постараюсь быть быстрым, - мягко сказал Цзян Юньшу. Он не знал, что из-за повышенной чувствительности омег их болевые ощущения в несколько раз сильнее, чем у бет или альф. - Расслабь ногу, не напрягай её. Так будет меньше болеть.

Рана на ступне была большой. Когда Цзян Юньшу извлёк осколок, кровь хлынула потоком, заливая всю ступню. Он быстро отреагировал, положив ногу Бай Тана себе на колени и сильно прижав к ране ватный тампон.

- Сначала остановим кровотечение, - сказал Цзян Юньшу. Худая нога в его руках была напряжена до предела, слегка подрагивая. - Скоро всё закончится, потерпи ещё немного.

Бай Тан обессиленно откинулся на диван. Его волосы намокли от пота и прилипли к мокрому от слёз лицу. Рука и нога уже онемели от боли.

Закончив с перевязкой, Цзян Юньшу с облегчением вздохнул. Теперь он понял истинный смысл фразы из брошюры о "непреодолимом взаимном притяжении альф и омег". Устало вытерев пот со лба, он осознал, насколько тяжело ему далось сохранение ясности рассудка в пространстве, насыщенном феромонами омеги. Это было сродни попытке наркомана устоять перед дозой героина. Борьба с инстинктами оказалось мучительно трудно.

В этот момент Цзян Юньшу как никогда был благодарен своей привычке всё откладывать на потом. К счастью, он не снял блокирующую наклейку - иначе последствия могли бы быть

непредсказуемыми.

<http://bllate.org/book/13383/1190863>